

Турагаскы¹

Милое создание Джесегея...
(из народной песни)

Только что родившийся жеребенок со взлохмаченной мокрой шерстью, кое-как поднявшись, шатаясь, неуверенно ковылял на тоненьких ножках. Соловая, с пятнами кобылица, лежа на боку, в тщетной попытке встать била ногами землю. Она с большим усилием подняла голову, затухающим взглядом посмотрела на него: «Ради кого я покидаю белый свет?» — и испустила последний вздох...

Коневод Егор в поисках соловой кобылы, жеребой от скакового жеребца, объездил все аласы, где паслись многочисленные табуны лошадей. Вечерело. Уже отчаявшись найти кобылу, Егор вспомнил про поляну у речки Хаттыгы и направился туда.

¹ Перевод Степана Сивцева (Хамалга).

Подъезжая к поляне, он увидел скопление ворон и подхлестнул коня. На опушке рядышком лежали кобыла и жеребенок. Воронье при приближении всадника поднялось и расселось на верхушках лиственниц. Поначалу Егор решил, что жеребенок тоже мертвый, но тот был целехонький.

Вечером в доме Сылгысыта² Егора царила радость: не каждый день отец приносит домой новорожденного жеребенка! Дети не отходили от приемыша. Каждый норовил напоить его коровьим молоком, и даже малыш Санчик не отстал от старших братьев — поделился содержимым своей бутылочки.

Осиротевшему жеребенку дали кличку Турагаски. Спутя несколько дней жеребенка было уже не узнать. Он крепко стоял на ногах, вприпрыжку бегал по дому. Кэтириис, хозяйку дома, он признал как родную мать и ходил за ней, как нитка за иголкой. Кэтириис идет в хотон — и Турагаски туда же, она в дом — и жеребенок за ней.

Через месяц приемышу не хватало уже молока единственной коровы. Пришлось договариваться с маслобойным заводом и забирать у них обрат³. Кэтириис на коромысле приносила ведра с братом домой. Однажды, преодолев все препятствия на пути, Тарагаски вырвался из загона и встретил Кэтириис у маслозавода. Когда женщина, желая передохнуть по дороге домой, сняла с плеча коромысло и поставила на землю, Турагаски подскочил и залпом выпил ведро обратки. Он взялся было за второе ведро, но Кэтириис с трудом отобрала у него вожаделенное питье. С тех пор Турагаски каждый день прибегал к маслозаводу, ждал, когда ему вынесут пойло, и с громким шумом высасывал обрат.

Вскоре обнаружилось, что жеребенок сладкоежка: если ему протягивали сахар, конфетку или печенюшку, он сразу захватывал лакомство мягкими губами и, кивая головой, съедал.

С Турагаски постоянно возились малыш Санчик и щенок Шарик. На покрытом разнотравьем лужайке у дома они втроем целый день бегали наперегонки. Иногда Турагаски в пылу игры то грудью, то боком поддавал Санчика, и тот катился кубарем по лужайке. Вот плачу-то было! Тогда Шарик, утешая, слизывал обильные слезы Санчика, а Турагаски с виноватым видом склонялся над плачущим мальчиком, и тот, перестав дуться, обнимал его за шею, и игра продолжалась!

Жеребенок рос проказливым. Однажды, зайдя в сарай, он выпил из стоящего в углу ведра керосину и чуть не околочился. К счастью, до-

² Коневод (якутск.).

³ Обезжиренное молоко, которое получается после перегонки через сепаратор.

мочадцы, заметив обильное пенистое слюнотечение у жеребенка, вызвали ветеринара. Пришлось с помощью клизмы промывать желудок. Уже на следующий день Турагаски, задрав хвост, носился по лужайке. А позже хозяева обнаружили, что он, дождавшись, когда Кэтириис нальет свиньям корму и уйдет, тайком поедает его! Пока хаврошка с упоением чавкает, жеребенок высасывает всю жидкость и длинным языком слизывает оставшуюся гущу. Свинья от обиды начинает визжать, а Турагаски с невинным видом отходит и делает вид, что щиплет травку.

Из домочадцев Турагаски уважал и побаивался Сылгысыта Егора. Когда Егор, пропитанный запахом вольных ветров и конского пота, возвращался домой, Турагаски вприпрыжку бежал навстречу. Хотя Сылгысыт никогда не ласкал, не гладил жеребенка, Турагаски тянулся к нему — видно, нравились твердый взгляд и основательность хозяина.

— Нохоо⁴, Турагаски! Никак не можешь ужиться в деревне! Завтра отведу тебя к табуна жеребца Мутук Харах. Там тебя не станут кормить конфетами, а приучат к порядку, — такое решение принял Егор после очередной проказы несмышлениша.

Так Турагаски оказался в Хаттыгы, в табуне. Табун есть табун — здесь свои законы, свой вожак. Здесь ты не будешь скакать наперегонки с Санчиком и сбивать его с ног, не сможешь ухватить Шарика за загривок и не заставишь хаврошку визжать, отбирая у нее еду.

Увидев сородичей, Турагаски подобрался, приосанился и иноходью подбежал к ним. Но жеребец не признал в нем свою кровь, а больно укусил и, лягнув передней ногой, отдалил пришельца от табуна.

Не пробовавший материнского молока Турагаски с удивлением наблюдал, как кобылы кормят своих жеребят. Почувяв сладкий молочный запах, он попытался оттеснить одного жеребенка от соска матери, но получил от кобылы оглушительный удар копытом.

Пришлось ему уйти под защиту Сылгысыта Егора. Вечером, когда тот направил своего коня к дому, жеребенок побежал было за ним, но Егор, заметив, что жеребенок увязался следом, строго окрикнул:

— Иди обратно, Турагаски! Назад!

Пришлось жеребенку, понурившись, остаться у развилки дороги.

Несколько дней он пасся поодаль от табуна. Когда табун перемещался в другой алас⁵, Турагаски следовал за ним, но старался держать дис-

⁴ Грубоватое обращение к парню, мальчику (якутск.).

⁵ Поляна, луг, небольшая равнина среди тайги (якутск.).

танцию; как только он переступал невидимую границу, жеребец сразу реагировал и, подбежав, прогонял бедного жеребенка.

Но однажды ночью, когда табун остановился на ночевку, Турагаски, уже задремавший было, увидел, как на него со стороны леса мчится что-то черное, громадное. От испуга он метнулся в сторону, увернувшись от мощного удара когтистой лапы медведя. Испуганный жеребенок что есть силы заржал и заметался. Хищник не отставал. Табун, почуяв запах медведя, помчался прочь. Турагаски с тоненьким ржанием бежал последним. Медведь спокойно гнал его, выжидая, когда жеребенок выбьется из сил. Драма приближалась к концу...

Вдруг будто вихрь налетел — между Турагаски и медведем вклинился разъяренный жеребец! Медведь от неожиданности плюхнулся на огузок, а вожак Мутук Хара оттеснил жеребенка к сгрудившемуся табуну, где лошади, расступившись, укрыли Турагаски.

И началась битва титанов — вожака табуна Мутук Хараха и огромного медведя. Хищник ревел и наносил сильные удары лапами, а жеребец всхрапывал и крутился, как юла, нанося сокрушительные удары то передними, то задними ногами и мощными челюстями кусая противника. Лужайка под ними превратилась во взрыхленную черную землю. Медведь в ярости вырывал с корнями молодые лиственницы и швырял их в жеребца, размашистым ударом лапы стараясь перебить хребет противника. Мутук Хара вставал на дыбы и передними ногами барабанил косолапого, не давая ему нанести смертельный удар. Наконец ударом когтистой лапы медведь разодрал жеребцу холку. Хлынула кровь. Опьяненный запахом крови хищник кинулся на жеребца, но был отброшен страшным ударом копыта...

Турагаски, напуганный шумом смертельной схватки, приткнулся к одной кобыле, и она его приняла.

В какой-то момент медведь зацепился когтями за сбившиеся в колтун волосы хвоста лошади. Жеребец, пытаясь сбросить медведя, отчаянно замолотил задними ногами. Медведь, пытаясь высвободиться, истощно ревел и наносил свободной лапой размашистые удары по крупу лошади.

Наконец Мутук Хара повалил медведя. Не давая сбитому наземь хищнику опомниться, он начал без устали бить его ногами в грудь и в голову. Был слышен только треск ломающихся костей. Медведь вначале сопротивлялся, но потом затих.

Лучи восходящего солнца осветили алас, по которому обезумевший Мутук Хара волок за собой мертвого медведя.

Пришло время, и на жеребца-трехлетку, до сих пор свободно пасшегося на вольных лугах, силком набросили уздечку. Его привели к загону

и крепко привязали к сэргэ⁶. Сплетенный из конских волос чембур оказался очень крепким и, как ни старался молодой жеребец высвободиться, привязь не рвалась. От досады Турагаскы, храпя, кидался из стороны в сторону и, встав на дыбы, бил копытами сэргэ. Но коновязь, как будто кичась своей прочностью — и не таких неистовых детей Джесегея удерживала она — стоически выносила наскоки жеребца.

— Нохоо, Турагаскы! Настанет время, и над тобой взойдет солнце! Нынче летом на больших летних скачках своими быстрыми ногами ты должен будешь доказать, что ты достойный сын знаменитого скакуна Мутука Хара! — это неслышно подошел сзади Сылгысыт Егор.

Турагаскы, услышав голос хозяина, успокоился. Он дал оседлать себя, но когда его хотели взнуздать, жеребец, будто поняв, что удила теперь всю жизнь будут управлять им, начал мотать головой, взбрыкивая задними ногами и не даваясь коневодам вложить трензель в рот. Один проворный коневод вскочил в седло и ногами крепко зажал бока жеребца. Рывком Турагаскы освободили от привязи.

Стараясь сбросить с себя всадника, жеребчик то вставал на дыбы, то вскидывал зад. Всадник недолго продержался на нем: при очередном взбрыке взлетел в воздух и грохнулся оземь. Вскочив на ноги, он вновь запрыгнул на Турагаску, но молодой жеребец вновь сбросил его с седла.

Наездник оказался упрямым. В третий раз оседлав коня, он то натягивал, то ослаблял повод, заставляя коня почувствовать, кто здесь главный. Закусив удила, брызжа кровавой слюной, Турагаскы брыкался, не давая подчинить себя. На этот раз наездник грохнулся так, что, казалось, дрогнула земля. Оглушенный падением, он не сразу поднялся. Наконец, с трудом встал и, взяв валявшийся неподалеку кол, пошел на жеребца.

— Стой! Ты что, дурак? Сам оплошал, а винишь коня? Иди, утри сопли! — Сылгысыт Егор прогнал незадачливого наездника. — Поймайте Турагаску, приведите сюда и привяжите. Когда успокоится и отдышится, сам буду объезжать!

Подождав, пока молодой жеребец успокоится и придет в себя, Егор тихонько подошел к нему.

— Стой, дружок, стой! Что за беда! Не тебя одного объезжают, — строгим голосом сказал он. — До каких пор будешь с молоденькими кобылами наперегонки бегать? Твоя участь — стать скакуном.

Ласково похлопывая по шее Турагаскы, Сылгысыт вынул из кармана кусок сахара и протянул жеребцу. Турагаскы мягкими губами захватил сахар и захрустел. Узнав полузабытый вкус вожделенного лакомства, он по старой привычке потянулся к карману и, осторожно захватив его зу-

⁶ Коновязь (якутск.).

бами, легонько дернул, прося добавки. Сылгысыт вынул еще один кусок сахара. Пока Турагаскы наслаждался вкусом детства, Сылгысыт быстро отвязал его и проворно вскочил в седло.

Жеребец в попытке сбросить всадника начал кидаться из стороны в сторону, но Сылгысыт как будто врос в седло. Твердыми руками он так натянул повод, что удила больно врезались в рот коня. Пришлось тому запрокинуть голову. Увидев, что конь подчиняется, Егор направил его в сторону аласа с озером посередине.

Они несколько раз объехали озеро. Турагаскы пытался было еще взбрыкивать, но натянутый повод всякий раз напоминал, что лучше слушаться всадника...

С того дня жизнь молодого жеребца изменилась. Корм, водопой, тренировки — строго в определенное время. Иногда его выводили на тренировочные скачки с другими скакунами. Турагаскы еще в вольной жизни любил соревноваться с быстроногими лошадьми соседних табунов, но те гонки в сравнении с нынешними тренировками были просто игрой.

Постепенно он вжился в новую роль, и ему начал нравиться тренировочный процесс. В массовом забеге Турагаскы соперничал с опытными скакунами Чагылганом⁷, Быччантаем⁸ и Кыыдамом⁹. Чагылган, чалый жеребец со светлой гривой и хвостом, несся стремительно, как молния. Быччантай, пучеглазый белый конь, бежал как лось, выбрасывая длинные ноги. Он не любил пропускать вперед других, мог цапнуть их желтыми зубами. Кыыдам был жеребцом с добрым нравом, и ко всем соперникам относился ровно. Бежал он, грациозно подпрыгивая.

Однажды утром алас, где тренировались скаковые лошади, наполнился шумливой толпой людей. Турагаскы, до сих пор не видевший столько народу, сильно возбудился и начал биться. Сылгысыт Егор, увидев это, подошел к нему и успокаивающе похлопал по шее.

По традиции, на первый забег вывели молодых скакунов. Зрители одобряюще загудели. Первогодки-скакуны, испугавшись этого шума, стали горячиться. Как только раздался звук удара металла о металл, кони рванулись вперед, и только Турагаскы замешкался. Сылгысыт хлопнул ладонью по крупу коня.

— Сильно не подгоняй, а то загопишь! Пусть скачет своим темпом! — прокричал он вслед наезднику.

⁷ Молния (якутск.).

⁸ Пучеглазый (якутск.).

⁹ Мелкая снежная пыль, пороша (якутск.).

Турагаскы мчался во весь опор, постепенно обгоняя соперников. Зрители неистововали.

Впереди Турагаскы, подпрыгивая, как мяч, несся жеребец с округлыми формами. Между ними завязалась долгая борьба за первенство. Турагаскы никак не мог обогнать Мячика, поскольку его наездник, Кузька, средний сын Сылгысыта Егора, натягивая повод, придерживал его. На последнем круге Кузька ослабил повод, дав понять Турагаскы, что пришла его пора. Почувствовав свободу, Турагаскы рванул вперед и вмиг обошел соперника. Тот пытался догнать его, но постепенно дистанция между ними увеличивалась. Финиш был близок...

Вдруг из висящей на столбе тарелкообразной штуки громыхнуло:

— О-о, первым к финишу приближается жеребец из Мяндиги по кличке Турагаскы! Легендарный скакун Мячик из Чакрыра заплутал в пыли, поднятой резвыми копытами Турагаскы!..

Турагаскы, испугавшись резкого голоса, рванул в сторону от беговой дорожки и побежал подальше от страшной штуки.

Раздались крики:

— Турагаскы выбыл!..

— Мячик победил! Ура-а!

Зрители бесновались. Кузька еле успокоил жеребца и, спешившись, на поводу привел его к трибунам.

Хотя Турагаскы и проиграл, всем стало ясно, что взошла новая звезда скачек.

Однажды Турагаскы вместе с Чагылганом, Быччантаем и Кыыдамом перевезли через реку и увезли очень далеко. В этом месте скопилось еще больше людей, чем в их аласе. Воздух сотрясали раскатистые звуки. Когда начался забег, ошеломленный грохотом Турагаскы замешкался было на старте, но постепенно, прибавив ходу, начал обгонять конкурентов. Когда он обходил скакуна, бегущего вторым, его наездник, похожий на ястреба, наотмашь ударил Турагаскы нагайкой по голове. От боли жеребец вскинулся, но продолжил бег. Буланый конь попытался оттеснить его с беговой дорожки, но Турагаскы не поддался, а оттолкнув соперника грудью, вырвался вперед. Наездник буланого коня от злости хлестнул Кузьку нагайкой по спине, однако Кузька, несмотря на жгучую боль, не стал устраивать разборки, а сосредоточился на обгоне скакавшего впереди бурого коня.

Как только голова Турагаски поравнялась с крупом лидера, его седок рукояткой нагайки похлопал по широкому голенищу торбасов. Из голенища поднялась дорожка зеленовато-бурой пыли. К счастью, дунул порыв ветра, и основную часть снесло в сторону. Кузька, вдохнув пыли, зачихал, закашлялся: махорка! Лишь бы конь не надышался!

Финишную линию они пересекли первыми. Зрители стоя приветствовали их:

— Ура-а! Амгинские!

— Слава Турагаскы Стремительному!

В последующих скачках Турагаскы никому не уступал лидерства. Он привык к толпе, к громким раскатистым звукам, и научился разным хитростям во время бега.

Наконец пришла пора возвращаться в родные места. Причалив к берегу, Сылгысыт Егор сказал жеребцам: «Бегите домой!» — и снял с них недоуздки.

Всю ночь без передышки, где рысью, а где шагом, знакомыми только им тропами жеребцы мчались домой. К утру в синеватом мареве завиднелись горы.

Долина встретила их ковром шелковистой травы, умопомрачительными запахами разнотравья и кристально чистыми водами красавицы Амги. Кони с разбега бухнулись в реку и, пофыркивая, принялись плавать, смывая с боков въевшуюся грязь. Наплававшись вдоволь, жеребцы выскочили на берег, как по команде, отряхнулись, окутавшись радужным облаком искрящихся капель, и с радостным ржанием принялись носиться по широким лугам долины...

Время бежало. Турагаскы Стремительный по-прежнему не пропускал вперед себя ни одного соперника. Но однажды он вышел на свои последние скачки.

Когда их вывели на старт, он оказался рядом со своим основным конкурентом Чагылганом. Однажды Турагаскы обогнал его у самого финиша, а затем, похваляясь перед чалой кобылицей красной шелковой лентой победителя, иноходью прошелся перед трибунами... Но в этот раз, желая застать вороного жеребца врасплох, он слишком резко рванул с места. Породистый вороной чуть отстал, однако неотступно следовал за ним. Так они проскакали почти всю дистанцию. На последнем круге вороной с заметным усилием вырвался вперед почти на голову. Турагаскы от обиды заржал и дернулся вперед, на полголовы опередив вороного на финише...

Между судьями и болельщиками начался жестокий спор. Одни считали, что победил Турагаскы, другие — что Чагылган. Сам же Турагаскы, покрытый потной пеной, твердо знал, что уходит непобежденным...

С того дня Турагаскы больше не принимал участия в скачках, а стал верховой лошадью Сылгысыта Егора. Когда на него впервые попытались надеть хомут, он ударами ног разломал оглобли, вдребезги распинал передок саней и, взбрыкивая, как во время объездки, разбросал по снегу хомут и дугу.

— Ладно, так и быть! Ходи под седлом, сатанинское отродье! — Сылгысыт Егор смачно сплюнул на землю и выругался, но в голосе его прозвучали нотки одобрения.

Так Турагаскы возвратился в родную усадьбу, где прошло его отрочество. Спозоранку Сылгысыт седлал Турагаску и объезжал дальние аласы, где паслись табуны колхозных лошадей. Сам он постарел, погрузнел и больше не мог одним прыжком вскочить на коня. Приходилось сначала наступать на пенек или жердину изгороди, а потом уже садиться в седло. Иногда Турагаскы шалил, и, когда Сылгысыт Егор, в собачьей дохе похожий на медвежонка, начинал забираться на пенек, чтобы вгромоздиться на коня, хватал зубами за воротник дохи и сдергивал Егора с постамента. Выкарабкавшись из сугроба, вытряхивая забившийся за шиворот снег, Сылгысыт незло ругался:

— Нохоо! Турагаскы! Хорош тебе игратья! Не дай бог, ушибусь...

Когда конь ленился, он еле плелся, как старая кляча. Пройдясь по двум-трем урочищам, норовил повернуть назад, домой. Зато в сумерки, когда приходило время возвращаться, у него будто вырастали крылья, и тогда любое расстояние он преодолевал очень быстро.

Никого, кроме Сылгысыта Егора, он не признавал. Постепенно и желающих оседлать Турагаскы не осталось.

Сылгысыт Егор разговаривал с Турагаскы, как с человеком:

— На этом урочище наших табунов нет. Поехали в Сасыл Уйала-ах!

— Давай-ка поищем табун Эмчири-и.

И Турагаскы без понуканий направлялся туда, куда указывал Егор.

Однажды зимой, в лютую стужу, по дороге домой остановились у избушки лесорубов. Они и раньше бывали здесь, но на этот раз Сылгысыт задержался надолго. Вечерело, холод усиливался, и привязанный к столбу Турагаскы дрожал от холода.

Наконец, распахнулась дверь и на нетвердых ногах вышел Сылгысыт.

— Нохоо, Турагаскы! Поехали домой! Дорогой ты мо-ой, не сердись! Кэтии нам покажет, почем фунт лиха, — заискивая, он облизывал всю морду коня.

Турагаскы, которому не понравился исходящий изо рта Сылгысыта омерзительный запах перегара, недовольно всхрапнув, вскинул вверх голову.

— Ну-ну! Бывает, дружок...

Егор долго карабкался на коня, пока, наконец, не взгромоздился. Застоявшийся иноходец рванул вперед. Сылгысыт, молодецки привстав в стременах, размахивая рукой, пьяным голосом запел:

Дьэ-буо!

Я — Сылгысыт Егор,

Хозяин чалых лошадей,

Не промокнув копыт в ручьях,
Танцующей иноходью
Скачущих по трое суток...

Убаюканный плавным бегом иноходца, он постепенно начал засыпать, покачиваясь в седле из стороны в сторону. Когда они начали подниматься на высокий берег реки, и вдалеке показались огни деревни, Егор свалился с коня.

Турагаски вернулся и склонился над хозяином, надеясь, что тот поднимется, но Сылгысыт Егор спал, громко храпя. Конь переминаясь с ноги на ногу, стоял в ожидании. Когда его начал пробирать холод, он громко заржал. Сылгысыт сквозь пьяный сон только отмахивался от назойливого коня. Поняв бесполезность своих действий, Турагаски поскакал домой...

Кэтириис, обеспокоенная долгим отсутствием мужа, спала в полуха. Услышав стук копыт, встала, поставила на плиту чайник. Никто так и не вошел. Немного погодя стало слышно, как конь, заржав, поскакал обратно. Догадавшись, что случилась беда, Кэтириис растормошила сладко спящего сына Санчика.

Сылгысыт проснулся от того, что кто-то сильно дернул его за воротник и поволок.

— Пусти! Отпусти меня! Почему не даешь мне спать? Кто ты такой? Вот встану, намну тебе бока! Говорю же, пусти! Айыкка¹⁰!

Очнувшись, Егор обнаружил, что он, окоченевший, сидит на дороге, а над ним стоит Турагаски. Егор хотел было встать, но закоченелые суставы не держали его, и он упал лицом в снег.

— Несчастный я, замерзаю насмерть! Некому меня спасти! Вот беда! Кое-как встав на четвереньки, он пополз в сторону дома.

Турагаски в растерянности потыкался туда-сюда, а потом опустился на колени перед хозяином. Сылгысыт с трудом заполз на седло, лег поперек и опять задремал. Тогда Турагаски осторожно, чтобы не уронить хозяина, поднялся и поскакал в сторону деревни.

Вскоре навстречу показались Кэтириис с Санчиком.

— Егор! Что случилось? Что с тобой?

— Кэти-и! Нормально все! Не бойтесь! Напился допьяна, свалился с коня и чуть было не замерз насмерть...

— Как же можно, не зная меры, напиваться в такую стужу? А, дружок?

— Дорогая! Не ругай меня, не надо! Ведь я чуть не замерз! Не будь моего верного Турагаски, не было бы меня тут с вами...

¹⁰ Возглас боли (якутск.).

— Когда твой конь прискакал к дому и начал ржать, а потом побежал обратно, мы, подумав, что стряслась беда, очень испугались!

— О-о! Ты смотри! Даже предупредить смог о беде!...

Спустя несколько лет в декабрьские трескучие морозы Сылгысыт Егор сильно занемог и лег в больницу. Поняв, что без Егора с Турагаски хлопот не оберешься, его отвели в загон для лошадей. Конь сильно тосковал. Понутив голову, он стоял, не притрагиваясь к первосортному сену и овсу, которыми его уважительно потчевали коневоды.

Однажды ночью Турагаски, каким-то образом почуяв, что его хозяин переместился в мир иной, испустил истошный вопль, полный тоски и горя. Пытаясь вырваться, он начал кидаться на ограждение, всполошив дремлющих лошадей, которые в панике заметались по всему загону...

Утром коневоды поймали беснующегося коня и крепко привязали к столбу. Там он, отказываясь от корма, простоял три дня.

В день похорон Турагаски, порвав веревку, перепрыгнул через ограду и галопом поскакал в сторону дома...

Гроб с покойником вынесли на улицу. Турагаски, переминаясь с ноги на ногу, стоял у коновязи. Когда похоронная процессия двинулась к кладбищу, он потихоньку поплелся следом.

Похоронив Сылгысыта, собравшиеся поспешили домой. У свежего холма на фоне зимнего заката вырисовывался силуэт сиротливо стоявшего коня.

— Турагаски?!

— Бедный, к хозяину пришел...

— Пусть стоит, не трогайте!

— Лошади, оказывается, бывают умнее людей! К некоторым на похороны даже дети не придут...

Турагаски, склонив голову, долго обнюхивал свеженасыпанный холмик, и слезы сосульками замерзали на его щеках.

Утром на кладбище появился Санчик.

— Турагаски, пойдем домой! Тебе надо поесть, попить, — глядя коня по голове, просил он.

Турагаски даже с места не двинулся.

Пришла Кэтириис:

— Турагаски! С умершими не умирают! Что поделаешь, надо жить дальше. Пойдем домой, милый!..

Турагаски стоял, как вкопанный.

А на третий день Турагаски бесследно исчез. С тех пор никто и нигде не видел его. Даже останков не нашли.

— Ускакал в небеса служить хозяину, — истолковали старики.

Отец

В студенческом общежитии у вахты висел большой стеллаж с секциями, отмеченными буквами. Это был почтовый ящик для корреспонденции студентов. Почти во все ячейки, кроме помеченных буквой «Ы», вахтер каждый день что-то вкладывал. Во всем общежитии, да, можно сказать, и в институте только моя фамилия начиналась с буквы «Ы».

Ячейка «Ы», как правило, пустовала. Но один раз в месяц из этого гнездышка обязательно выглядывал желтоватого цвета листочек бумаги. Это был, по словам отца, мой «ежемесячный кредит». Стипендию я получал только в первом семестре первого курса, но потом лишился ее из-за троек, так что с первого же года студенчества отец стал моим единственным «инвестором». Все денежные переводы мне — когда и сколько он перевел — отец каллиграфическим почерком записывал в толстенную тетрадь с надписью: «Бухучет».

Старик (хотя он и не такой старый, но я с девятого класса называю его так; когда отец впервые услышал, как я его назвал, он опешил и от обиды принялся суетливо то снимать, то надевать очки), аккуратист-бухгалтер, каждый месяц, двадцатого числа, в день получения отправлял мне сорок рублей. Перевод приходил иногда с задержкой на день-два. В корешке извещения убористым почерком были написаны дежурные слова: «Мама здорова. Пиши».

Раз мама здорова, значит, в семье все благополучно. Что еще надо? Поэтому писал я довольно редко, а чтобы родители не беспокоились обо мне, по праздникам отправлял открытку с поздравлениями.

Когда приезжал в родные края на каникулы, мама принималась было журить за то, что я не пишу письма, но радость от моего возвращения заставляла ее забыть обиду.

Вроде все было хорошо, но «ежемесячный кредит» в сорок рублей перестал покрывать мои потребности. Чего греха таить — виновата в этом была Лия, студентка факультета иностранных языков. Кино, театр, ресторан, буфет, мороженое, каток, парк — все это обходилось в круглую сумму! И кто только дернул меня за язык в первое свидание ляпнуть Лие, что отец мой — директор совхоза? Вот куда заводит хвастовство!

Парни из нашей комнаты после занятий подрабатывали, и меня звали с собой. Но мне, «сыну директора совхоза», претило подметать двор или охранять склад, да и, честно говоря, было лень. Хотя я запросто мог бы выполнять такую легкую работу. Вместо этого я под разными предлогами отбивал отцу телеграмму с просьбой выслать денег. Шедевром моей изворотливости была телеграмма с одним, если не засчитывать

мое имя, словом: «Денег воскл Илья». Бедный старик, оторопев от такой телеграммы, в тот же день отправил мне тридцать рублей.

Зимой я съездил домой. Уплетая за обе щеки вкусную снедь, приготовленную мамой, я рассказывал о том, что учебный процесс все более усложняется, и, как следствие, растут расходы. Поэтому сумму «ежемесячного кредита» следовало бы увеличить до восьмидесяти рублей... ну, по крайней мере, до шестидесяти...

Отцу мои разгольствования не понравились. Он, как бывало в минуты раздражения, начал судорожно снимать-надевать очки. Без слов стало понятно: «Кредит заморожен».

Мой старикан — весьма редкое явление среди рода саха. Он все делает очень тщательно. Взять хотя бы мытье головы. Заниматься этим делом в его присутствии — мученье, божье наказание! Хотя у него и поредели волосы, и лысина с каждым годом становится все больше, моет голову он очень основательно. И если бы только себе! Стоя рядом с тобой, он настоятельно советует, как мыть макушку, затылок, виски, каким мылом намыливать волосы, какой температуры должна быть вода для ополаскивания. Наконец, войдя в раж, он восклицает: «Так не делается!» — и начинает со рвением мыть твою голову!

В остальном отец — такой же дотошный, придирчивый. Если остеохондроз — профессиональная болезнь шоферов, то придирчивость, видимо, болезнь бухгалтеров!

А еще в последнее время отец постоянно звал меня съездить с ним на верховья Амги, подняться на гору Юргердых. Вот и на этот раз он завел рассказ о горе Юргердых. Он так красочно расписывал гору, находящуюся в глухой местности, где обитают только волки да медведи, что впору было сравнить ее с Гиндзой в Токио или с Бродвеем в Нью-Йорке. Я всячески отнекивался, пытаюсь увильнуть от поездки. Меня, приверженца городской жизни со всеми ее удобствами-удовольствиями, не прельщали красоты этой тьмутаракани.

В последнее посещение родного дома старик со словами: «Нынче летом обязательно едем в Юргердых, так что нужен мощный бинокль», — дал мне крупную сумму денег на покупку оптики.

Вернувшись в город, я за короткое время спустил все деньги.

Каждый день я по-прежнему с надеждой осматривал ячейку с буквой «bl». Месяц заканчивался, но стариковского «кредита» все не было... Я уже начинал нервничать: скоро приезжает на гастроли известная эстрадная группа, и Лия обязала меня достать билеты на концерт. А у меня в кармане пустота!..

Наконец-то в гнездышке что-то белеет! Подбегаю, хватаю толстенный конверт. По почерку узнаю руку матери. Еще раз заглядываю в ячей-

ку — пусто, извещения о переводе денег нет. Поднявшись в свою комнату, в нетерпении разрываю конверт: может деньги вложили в письмо? Но денег нет!..

К моему большому удивлению, я обнаружил письмо от отца. От старика, который никогда не писал мне писем. Хотя я и был раздосадован тем, что он не прислал денег, но все же, поуспокоившись, сел и стал читать.

Сынок, Илья, здравствуй!

Живем мы нормально. Мама здорова. Скотина стоит хорошо. В деревне, кроме домашних хлопот, новостей нет. Все живы-здоровы.

Помнишь мой заказ? Надеюсь, ты купил бинокль?..

Мне даже продукты купить не на что, а он, как маленький ребенок, грезит биноклем!

Летом, как только ты приедешь, сразу едем в Юргердах. К тому времени я приготовлю все, что нужно для нашей поездки. Хотя я планировал сначала на попутке по Неверской трассе доехать до Быйааги, затем спуститься по реке на лодке — этот план мы отмечаем. Знаешь, почему? Помнишь, я тебе когда-то рассказывал, как мы с отцом построили плот, чтобы я смог пойти в школу в районном центре, и сплавились по реке? Это было волшебное путешествие! По пути сплава мы останавливались у сакральных мест — гор Мундруччу, Тенюю, Ентю, где обновили священные метки предков. Это особенные метки жизненного пути нашего рода. И ты, мой сын, обязательно должен посетить эти места, своими руками прикоснуться к своим истокам, и дальше передавать своим детям...

Ха! Не хватало мне еще этих особенных знаний!

Поэтому мы на машине доезжаем до Оннеса. Дальше нам предстоит пеший ход. Неужто мы, два молодца, не сможем за десять дней пройти сорок кес¹?

Ну и чудит старик: хочет, чтобы я пешком прошел четыреста километров! Мне даже от общежития до института ходить тяжеловато!

Твой дед, погрузив в берестяную ветку четыре куля муки, отталкиваясь против течения шестом, за три дня преодолевал около сорока

¹ Кес — якутская мера длины, в нем 10 верст.

кес. Мы, чахлые потомки, лучше пойдём пешком. Сначала дойдём до Ентю. Там перед тобой откроются остроконечные скалы, похожие на древние замки. Когда подойдешь к подножьям скал, то увидишь арку, в которую виден перевал с подъемом в рай; синее-синее небо, белоснежные лебяжьи облака будут зазывать тебя к высотам...

Затем заночуем у устья речки Тенгюття. Это родина твоей бабушки, прославленной якутской женщины. Когда я сражался на поле битвы с немецкими захватчиками, твоя бабушка — добычливый охотник — спасла от голодной смерти жителей наслега. Я тебе об этом много рассказывал. На берегу Тенгюття до сих пор стоят столбы основания могол урасы² твоей бабушки.

После дойдём до речки Мундуручча. Твоему взору предстанут две величавых скалы, нависающие одна над другой, как будто два богатыря ринулись друг на друга. Это место поединка твоего предка Юрюнгнюр боотура с тунгусским знаменитым воином Тюгяс хосун³.

На ямах устья Мундуруччу мечут икру огромные, с бревно, таймени. Мы добудем одного речного гиганта, сварим уху и покормим духов местности. Переночевав, мы обновим метки, оставленные нашим пращуром Юрюнгнюр боотуром.

Не знал я, что мой старик-бухгалтер к тому же сказочник. Во как расписывает!

Дальше, минувя великие реки Сибикту и Сылгылыр, мы дойдём до незабвенной моей родины — Юргердяха. А за два дня до конца нашего похода сквозь тучи заскверкают заснеженные вершины гор Юргердяха!

Юргердях... Вдали от тебя, в Европе, между кровавыми битвами, лежа в мокром окопе, в кромешной темноте, — как я тосковал по родным местам! Как я мучился потом оттого, что находясь в каких-то четырехстах километрах от Юргердяха, не смог дойти, поклониться родине! Этим летом я наконец-то дойду вместе с моим сыном до родных мест, до незабываемого Юргердяха!

Почерк старика стал совсем неразборчивым, строки пошли вкривь-вкось. Неужели тоска по родине так накрыла? Вон как буквы пляшут! А

² Могол Ураса́ — тип старинного летнего жилища якутов, конусообразный шалаш из жердей, обтянутый берёстой.

³ Хосун — силач, богатырь.

может, он пьяный? Ну и что, что не пьет, — вдруг добрался таки до сундучка со спиртом?

Мы вдвоем поднимемся по перевалу, где мне с детства знакомы каждый бугорок, каждый куст, каждое дерево, до вершины горы Ентю с не тающим снежным колпаком. Внизу, под нами, расстелется зеленое море тайги. Рассекая это зеленое бархатное раздолье, голубой лентой, окаймленной золотыми песками, от конца до края протянется красавица Амга...

Царственная Амга, протекая под горой Ентю, раздвоится и образует остров, поросший ельником. Сквозь белый туман, вытекающий из ущелья горы, остров этот будет похож на корабль, плывущий в прекрасную даль...

Когда дойдем до снежной вершины, луч солнца золотом осветит горы, и с высоты Ентю нам откроется панорама нашей родины. И тогда я не спеша вытащу из футляра подаренный тобою бинокль и спокойно, без суеты буду созерцать дальние дали. Тогда... Тогда я буду счастлив, как никто в этом мире!

Сынок! Приезжай поскорей!

Старик, видно, совсем растрогался: рука ослабла, буквы налезли друг на друга. Последнее предложение еле уместилось на листке. Слегка растроганный тем, что открыл чувствительную душу отца, я был все-таки огорчен: перевода-то нет! Хотел было сложить листок и убрать в конверт, но на обороте увидел приписку, сделанную рукой мамы.

Дорогой Илюша! Бинокль не нужен! У отца взыгралась старая контузия, и три дня тому назад он совсем ослеп. Привезли его в райцентр к окулисту, но врач сказал, что бесполезно лечить, опоздали... Сынок, напиши хоть словечко отцу, а то он совсем зачахнет. Мама.

Отец?!

Не веря глазам своим, я несколько раз перечитал письмо. С каждым разом я терял нить письма, постепенно буквы стали сростаться...

Не знаю, как долго я сидел в ступоре. Очнулся уже в сумерках. И вдруг меня пронзило. Я вскочил, подбежал к шкафу — там, на верхней полке, хранились в банке деньги, отложенные всей комнатой на продукты. Я вытащил банку, вытряхнул на стол около девяноста рублей. Сунул скомканные банкноты в карман, выскочил на улицу. Магазин уже закрывался, но я успел. Купил бинокль и помчался в аэропорт...

Папа! Папа-а! Мы с тобой обязательно дойдем до Юргердяха! Побываем на устье Тенгюття, разведем костер у бабушкиной Могол урасы, заночуем там. Поохотимся на тайменя в яме Мундуручча, покормим краснорыбицей духов. Ты обязательно покажешь мне сокровенные места, священные метки наших предков. Эти метки я покажу своему сыну, а затем своим внукам...

Потом по перевалу, где тебе с детства знакомы каждый бугорок, каждый куст, каждое дерево, мы вскарабкаемся на сверкающую над белоснежными облаками вершину горы Ентю. Внизу, под нами, расстелется зеленое море тайги. Рассекая это бархатное раздолье голубой лентой с золотой каймой песков, от конца до края протянется красавица Амга. И ты, стоя на вершине, откуда наш предок Юрюнгнюр боотур осматривал окрестности, чтобы оградить свой род от беды, защитить от врагов, будешь созерцать дали, и мощный бинокль покажет тебе, как красива твоя Родина...

Оте-ец!